

УДК 882-3«19»:801.7(091)

ЛОНДОНСКИЙ КОД В ОЧЕРКАХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Л.В. Воробьева

Воробьева Людмила Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета (Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30).
E-mail: vorobjeval@rambler.ru

Статья посвящена анализу лондонского текста русской культуры первой половины XX века в очерках советских писателей первой половины XX века. Впервые образ города рассматривается через соотношение кода и исторической реальности. В статье представлено трехуровневое моделирование городского текста в русской литературе. Первый уровень – разрозненные образы, функциональные доминанты – свидетельствует о дискретном характере восприятия. Второй уровень характеризуется восприятием города как некоего смыслового единства, и здесь выявляются коннотации городского пространства. Третий уровень восприятия – это конечный уровень выявления кодов лондонского текста, который осуществляется как некое объединение

подходов к тексту первого и второго уровня: доминанты функционируют здесь и как самостоятельные точки текста, и во взаимосвязи между собой и с коннотациями. Здесь осуществляется взаимодействие статичности и процессуальности в подходе к лондонскому тексту. Город начинает восприниматься как некое целостное начало, организованное определенным кодом и состоящее из фиксированных отдельных фрагментов, реалий и смыслов, доминант и коннотаций. Это дает возможность говорить о многоуровневой системе восприятия города в рамках русской ментальности. В работе показано, каким образом своеобразие культурного пространства западной цивилизации осмысливается русским сознанием и становится включенным в общерусский литературный и культурный контекст. Комплексное изучение лондонского кода и его взаимодействие с историей дает возможность говорить о многообъемном смысловом пространстве лондонского городского текста.

Ключевые слова: городской текст, текстопорождающий механизм, диалог культур, миф, очерки советских писателей.

Для русской культуры проблема восприятия и осмысления «чужого» всегда имела особое значение. Ю.М. Лотман подчеркивал, что «отношение к западному миру было одним из основных вопросов русской культуры на всем протяжении послепетровской эпохи. Можно сказать, что чужая цивилизация выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к "чужому" в России традиционно является методом самопознания» [1. С. 160]. Закономерно, что проблемы национального развития Советской России в начале XX в. рассматриваются через призму общеевропейского развития.

В русскую литературу начала XX в. активно проникают урбанистические мотивы и образы. Последние десятилетия современное литературоведение активно занимается изучением бытования европейских столиц в произведениях русских писателей, определением их места в русской литературе и культуре. Существуют работы, посвященные исследованию римского текста русской литературы, венецианского, берлинского и т. д.

Тем не менее в настоящее время Лондон, занимающий особое положение в мировой истории и культуре, не привлекал должного внимания в литературоведении. В литературоведении существует ряд работ, в которых осмысливается место и роль Лондона в русской культуре, английские реалии в творчестве русских писателей (Г.Д. Гачев [2], Н.А. Ерофеев [3], Э.М. Жилякова [4], П.В. Акульшин [5], В.И. Копельник [6] и др.). На сегодняшний момент наиболее известны культурологические работы О.А. Казниной [7], занимающейся проблемами русской эмиграции в Англии, Л.С. Прохоровой [8], изучающей лондонский текст XIX века. В свою очередь, мы также рассматривали, каким образом английская культура осмысливается в модернистской литературе начала XX века [9].

После революции Англия продолжает поддерживать отношения с Советской Россией, за исключением периода Интервенции. В основном две державы объединяет экономический интерес, в политике наблюдается ряд осложнений, связанных с противоположными позициями стран. В мае 1923 г. в Лондоне открывается 1-й Международный конгресс ПЕН-клуба, в котором принимают участие Б. Пильняк и Н.Н. Никитин. Писатели были командированы в Англию Комиссариатом внешней

торговли для работы в советском торговом представительстве «Аркос» в Бюро информации. В их задачу входило собрать и систематизировать сведения о российской экономике. Б. Пильняк активно общался с организаторами клуба и даже выступил с предложением открыть в России ПЕН-центр.

Н.Н. Никитин и Б. Пильняк провели в Лондоне два месяца. Английские впечатления нашли отражение в путевых очерках. В 1924 г. вышел в свет сборник Б. Пильняка «Английские рассказы» [10], а также книга Н.Н. Никитина «Сейчас на Западе» [11].

В сборнике Б. Пильняка научный интерес представляет анализ очерка «Отрывки из “Повести в письмах”, которую скучно кончить», поскольку здесь Лондон становится основным персонажем.

Пильняк начинает свой очерк с рассказа моряков, которые вспоминают о том, как в Первую мировую войну здесь тысячами гибли люди, как на каждую морскую милю приходится по три погибших корабля. Мотив смерти становится неразрывно связан с образом Англии. Пильняк видит: «В Англии в каждом поселке, на каждой площади, на каждом косяке церковных дверей, на памятниках, на могилах, и на скорбных листах приходов – десятки, сотни, тысячи, сотни тысяч скорбных имен погибших в последнюю “великую” войну. <...> Здесь горько бродила смерть, здесь крепко гуляло горе» [10. С. 63]. Война невольно заставляет поменяться Англию, ее противоречия теперь заключены в отношении к смерти. Пильняк видит в Англии, в Лондоне постоянное присутствие смерти, где «смерть всегда вяжет с прошлым, с веками: века ушедшие всегда связаны со смертью, с навозной смертью, пусть прекрасной, века впереди всегда связаны с жизнью <...>» [10. С. 64]. Выстраивая схему «смерть – история – жизнь», Пильняк определяет суть Лондона, называя его канонным городом. Ситуация смерти становится «взрывом» для столицы Британии, высвечивая ее основные доминантные точки, по которым строится узнавание Лондона нового времени.

Знакомство со столицей начинается с описания Темзы и ее окрестностей. Главная река Лондона становится символом города, ее характер отражает дух столицы. Причины противоречий, заключенных в Лондоне, писатель видит в том, что «десять веков английской цивилизации сдвинуты в Англии в одну плоскость, и четырнадцатый век – вот сегодня – там так же здравствует, как двадцатый...» [10. С. 68]. На протяжении всего очерка Пильняк показывает, как сосуществуют разные века в одном городе. Лондон видится писателю как город контрастов, жизнь и смерть здесь становятся добротпорядочными соседями.

Описывая свое первое путешествие на автомобиле по улицам города, Пильняк делает акцент на резкой смене двух веков. Сначала мы видим Лондон XX века, с его стремительностью и быстротой: «После тишины русских полей и починок, после безлюдья морей показалось, что мы попали в очень веселый праздник, в страшно нарядную толпу на подбор красивых людей, в музыку на углах, в повозки с цветами. Над домами, на крышах, на стенах, на площадях – мчались, плясали, кружились огни, всех цветов, всяческих скоростей. <...> Светили сотни фонарей. По улицам катились сотни тэкси, бэссов, трамваев, карров (извозчиков не было, они вышли из употребления, их заменил автомобиль) <...> По тротуарам сплошной массой шла толпа, мужчины в черном, в цилиндрах, женщины в белом, почти все в розовых шляпках; где-то на площади металась в воздухе живые акробаты; на углах у цветочных повозок играли музыканты на скрипках, на виолончелях, играл орган, кто-то пел...» [10. С. 69]. Это новый, развивающийся город, куда-то бегущий и вечно спешащий, это город XX века с его машинами и технологиями. Здесь нет размеренности и тишины России.

Но вдруг все резко меняется, один век сменяется другим. В тексте это выражено пунктуационно: «А потом – автомобиль свернул в переулочек, где все дома точь-в-точь, как один, серые, трехэтажные, под черепицей, с палисадом у парадного; в переулочке была тишина, точно в глухой провинции и лег спать с семи часов; прохожие были редки, и для русского глаза здесь скука легла и степенное спокойствие так же крепко, как у нас в Чухломе – пыль, – но пыли здесь не было, и асфальтовая улица казалась только что вымытой» [10. С. 69]. Такая резкая перемена вызывает недоумение у писателя, современный город вдруг становится отражением прошлого века.

Прожив в Лондоне какое-то время, Пильняк выделяет еще одну особенность города – это неукоснительное следование традициям. Это проявляется и в социальном устройстве города, и в экономической, и в бытовой сфере. По мнению Пильняка, «... Лондон, как и вся Англия, как каждый англичанин, живет традициями, консерватизмом, обычаями. Четырнадцатый век прет не только из Вестминстера и Сент-Пола, но и из каждого англичанина, с каждой улицы: пусть этот четырнадцатый век клином захал в ребро теперешних дней, все равно, англичане сохраняют этот клин, и клиньев этих очень много, которым, казалось бы, давно надо умереть, но которые здравствуют» [10. С. 74]. Писа-

тель находит соблюдение этих традиций во всем: даже распорядок дня города подчинен им. Каждый день Лондон просыпается в одно и то же время, идет на работу, пьет кофе. В один и тот же час Лондон пустеет и замирает на ночь. Пильняк отмечает, что такое четкое соблюдение правил приводит к определенным выводам: «Отсюда два очень частых в Англии ощущения: лицемерности нации англичан (и это ощущение неверное, ибо англичане очень правдивы и честны, только надо уловить их мироощущение) и – второе – какого-то омерщвления, осклероживания английской цивилизации, – когда англичанин обязательно – обязательно – начнет с тобой разговор словами о погоде и будет говорить только о бизнесе, когда можно годы дружить с англичанином, бывать у него запросто, и все же не узнаешь, во что он верует, чем живет, о чем мечтает, – когда ни одна женщина не узнает, что она стареет, ибо все, даже мать и отец, будут всегда поздравлять ее с тем, что она помолодела и похорошела» [10. С. 75]. Традиционный уклад жизни переносится и на обустройство городской жизни.

Городское пространство, связанное с историей страны, невозможно изменить. Здания, сооружения, исторически значимые для Лондона, остаются в первозданном виде. Пильняк видит в этом печать смерти – по его мнению, развитие, прогресс могут быть связаны только с обновлением. После посещения исторических памятников Лондона Пильняк отмечает: «Я говорил уже, что старина, отошедшее, памятники мне говорят – о смерти. Мне казалось, что Вестминстер и Британский музей – из костей, окостенели, обизвестняковились. Мне было ясно, что огромная, почти геологическая, нечеловечески-человеческая эпоха настигает, накрывает тех людей, которые живут – живут не около, а – под ней. А вот англичане живут – с нею, в ней, она – их, они – ее. Так живет канонная Англия...» [10. С. 78]. Писатель понимает, что особенность и своеобразие Англии и англичан заключены в их жизни по традициям, обычаям. Предыдущие эпохи не закрывают страну, а гармонично сосуществуют с появляющимися изменениями.

Послевоенные годы вносят свои изменения в культуру страны: в Лондоне пустеют театры, нет балета. Теперь англичанин пойдет в «киношку» [10. С. 77] или мюзик-холл. Подтверждение величия английской культуры теперь можно найти только в Британском музее. Пильняк сравнивает его с «известняком английской культуры» [10. С. 77].

В послевоенном Лондоне обостряются и социальные конфликты, теперь они связаны не с разграничением жителей на богатых и бедных, а с катастрофической ситуацией безработицы. Люди вынуждены выйти на улицы города и зарабатывать тем, что играют на музыкальных инструментах, рисуют портреты прохожих. То, что в первый день приезда писателю показалось праздником (музыка, выступления актеров), на самом деле наглядный пример несостоятельности внутренней политики страны.

В конце очерка Пильняк дает оценку всей стране: «Англия – большой завод, завод для всего мира; Англия выиграла войну; но пока она воевала, пока ее заводы дымили, строя пушки, чтоб ими убивать, и корабли, чтоб топить их, – в Австралии понастроились шерстепрядильные и бумаготкацкие фабрики, в Китае, в Канаде задымили домны, в Индии возникли свои мануфактуры... Англия – большой завод. Англия выиграла войну, – но завод может существовать только, когда у него есть сбыт, – и Англия очень много, очень многое потеряла, победив: лондонский Сити был хозяином мира, и теперь «хозяин» мира переселился из Англии, из Европы в Америку, в нью-йоркский Сити; Англия страна мореплавателей, и в английских портах многие сотни кораблей вот уже много лет стоят и ржавеют в бездействии; Англии очень туго, в Англии больше двух миллионов безработных – это они поют на перекрестках, это они рисуют на асфальте тротуаров картинки, это они спят под открытым небом в Имбенкменде, их два миллиона, огромная армия не имеющих труда, здоровых людей... Англия – организованная страна, ей очень трудно, Англия – страна заводов, где заводы не дымят... Как выйдет отсюда английский народ?» [10. С. 77].

Пильняк отмечает, что в послевоенные годы Англия начала терять свое лидирующее положение в мире, что отразилось на изменении в устройстве Лондона. Город все еще пытается жить по старым законам, не замечая, что изменившее время диктует новые правила существования.

Н.Н. Никитин после посещения Лондона описывает свои впечатления в путевом очерке «Английские зеркала». Повествование начинается, как и в очерке Б. Пильняка, с описания Темзы. Никитин видит в четко организованной работе города единый механизм. Лондон представляется ему городом, который не терпит отступлений. Только выполнение всех правил приводит к безупречной работе механизма.

Отношение к русским в Англии неоднозначно. Чтобы продемонстрировать это, Никитин считает необходимым описать ситуацию, сложившуюся перед прибытием корабля в Лондон. Политически Россия не считается союзником Англии. «Прелесть» такого положения Никитин ощущает на себе: «За полчаса езды до Лондона к нашему пароходу подъехал катер – “морская статистика”. <...> Люди в катере в простых, черных, морских пиджаках вынули записные книжки и начался опрос. Капитан отвечал с мостика.

– Какие грузы?

– Такие-то, такие-то и такие-то.

– Сколько пассажиров?

– Столько-то. <...>

– Сколько пассажиров из дружественных нам держав?

– Столько-то.

– Сколько из недружественных?

– Двое!

Весело отвечал капитан.

Эти двое – были, конечно, мы, я и Б.П.

Наши физиономии вытянулись» [11. С. 74].

Пассажиры (англичане) на борту корабля узнали о разрыве с Советской Россией, и их отношение к русским поменялось, они стали гораздо любезнее: «В этом была какая-то игра на лоск, желание шегольнуть не своей шириной, как это бывает у русских, а выдержанностью, тем – что называется тоном» [11. С. 74]. Таким образом, у Никитина еще до знакомства с Лондоном формируется определенное представление об англичанах.

Вторая глава очерка, посвященная непосредственному описанию столицы Британии, называется «Город». Первое, что замечает писатель, это шум города, своеобразная фоновая музыка мегаполиса: «Лондон город шума. Шум административного центра метрополии, маховое колесо огромной британской машины. Тут заводится механизм, чтобы точно – минута в минуту шла работа. Отсюда Англия, как единый организм, живет» [11. С. 75].

Никитин видит в четко организованной работе города единый механизм. Лондон представляется ему городом, который не терпит отступлений. Только выполнение всех правил приводит к безупречной работе механизма.

Очерки советских писателей первой половины XX века рассматриваются как коммуникативно ориентированные тексты, где превалирует функция передачи информации. Именно это отличает их от художественных текстов, обладающих способностью генерировать новые сообщения. С одной стороны, каждый из текстов можно рассматривать как самостоятельную единицу: в таком случае по отношению к другим текстам он находится в состоянии непересечения. С другой стороны, важным становится выявление точек пересечения, т. е. тождества. Такое разнообразие возможных связей между смысловыми элементами создает объемный смысл, который постигается в полной мере из соотношения всех элементов между собой и каждого из них к целому.

Все тексты имеют точки пересечения в формировании мифопоэтического, социального и религиозного аспектов, что создает определенный лондонский код. Изменяющаяся историческая ситуация является тем элементом, который придает текстам, описывающим один и тот же объект (Лондон), отличительные черты. Комплексное изучение лондонского кода и его взаимодействие с историей дает возможность говорить о многообъемном смысловом пространстве лондонского городского текста. Осмысление советскими писателями пространства Лондона через его описание открывает картину мира, характерную для носителей русского языка и культуры, а также раскрывает несходство цивилизационных типов развития двух стран – Англии и России – как причину отталкивания и одновременно притяжения русских к английской культуре. В восприятии лондонского текста отражается специфика сознания носителей русской культуры – мышление бинарными оппозициями, за которым стоит дихотомичность самой русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. – 1997. – № 9. – С. 157–162.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. – М., 1998. – 432 с.

3. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. – М., 1982. – 320 с.
4. Жилиякова Э.М. Англия глазами Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского / Э.М. Жилиякова и др. // Карамзинский сборник: Национальные традиции и европеизм в русской культуре. – Ульяновск, 1999. – С. 8–15.
5. Акульшин П. В. Образ Британии глазами князя П.А. Вяземского. URL: <http://kremlin-museum.rbc.ru/ru/main/science/conferences/2003/Russia-Britain/thesis/Akulshin> (дата обращения: 09.03.2015).
6. Копельник В.И. Биологическое и социальное в характере героев английских повестей Е.И. Замятина / В.И. Копельник и др. // Тр. Тамб. гос. техн. ун-та. – Тамбов, 2000. – Вып. 6. – С. 275–276.
7. Я берег покидал туманный Альбиона... Русские писатели об Англии. 1646–1945 / Подготовители О.А. Казнина, А.Н. Николокин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 648 с.
8. Прохорова Л.С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 21 с.
9. Б. Пильняк. Английские рассказы. – М.; Л.: Круг, 1924. – 125 с.
10. Воробьева Л.В. Моделирование лондонского текста в повести Е.И. Замятина «Островитяне» // Вестник науки Сибири. – 2012. – № 3 (4). – С. 246–251.
11. Никитин Н. Сейчас на Западе: Берлин – Рур – Лондон. – Л.; М., 1924. – 146 с.

REFERENCES

1. Lotman Yu.M. *Sovremennost mezhdu Vostokom i Zapadom* [Modernity between East and West] // *Znamya*, 1997, no. 9. pp. 157–162.
2. Gachev G D. *Natsionalnye obrazy mira: Kurs lektsiy* [National images of the world: lectures]. M., 1998, 432 p.
3. Erofeev N.A. *Tumannyj Albion: Angliya i anglichane glazami russkih 1825– 1853 gg.* [Albion: Britain and the British eyes Russian 1825-1853 biennium]. M., 1982, 320 p.
4. Zhilyakova E.M. *Angliya glazami N.M. Karamzina i V.A. Zhukovskogo* [England in terms of N.M. Karamzin, and V.A. Zhukovsky] / E.M. Zhilyakova [i dr.] // *Karamzinskiy sbornik: Natsionalnye traditsii i evropeizm v russkoy kulture*. Ulyanovsk, 1999, pp.8–15.
5. Akulshin P.V. *Obraz Britanii glazami knyazyza P.A. Vyazemskogo*. [The image of Britain as viewed by Prince P.A. Vyazemsky]. Available at <http://kremlin-museum.rbc.ru/ru/main/science/conferences/2003/Russia-Britain/thesis/Akulshin/> (accessed 9 March 2015).
6. Kopelnik V.I. *Biologicheskoe i sotsialnoe v haraktere geroev angliyskih povestey E.I. Zamyatina* [Biological and social in character heroes of English novels E.I. Zamyatin] / V.I. Kopelnik [i dr.] // *Tr. Tamb. gos. tehn. un-ta. Tambov*, 2000. vol. 6, pp. 275–276.
7. *Ya bereg pokidal tumannyj Albiona...» Russkie pisateli ob Anglii. 1646 – 1945* [I left the beach of Albion ... Russian writers about England. 1646–1945] / Kaznina O.A., Nikoluykin A.N. M., *Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)*, 2001, 648 p.
8. Prohorova L.S. *Londonskiy gorodskoy tekst russkoy literatury pervoy treti XIX veka: Kand. Diss.* [London City lyrics in Russian literature of the first third of the XIX century. Cand. Diss.]. Tomsk, 2005, 21 p.
9. Pilnyak B.. *Angliyskie rasskazy* [English stories]. M.; L.: Kруг, 1924, 125 p.
10. Vorobeveva L.V. *Modelirovanie londonskogo teksta v povesti E.I. Zamyatina "Ostrovityane"* [Modeling London text in the story E.I. Zamyatin "Islanders"] // *Siberian Journal of Science*, 2012, no. 3 (4), pp. 246–251.
11. Nikitin N. *Seychas na Zapade: Berlin – Rur – London* [Now in the West: Berlin – the Ruhr – London]. L.; M., 1924, 146 p.

Поступила 13.03.2015 г.